

1001 ночь.

Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 170-182](#)

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 183-195](#)

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 196-208](#)

[Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур, ночи 209-217](#)

[Повесть о Камар-аз-Замане и царице Будур \(продолжение\)](#)

Сто девяносто шестая ночь

Когда же настала сто девяносто шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь сделал с Марзуваном то, что сделал, он сказал ему: "Знай, что я был причиною того, что ты спасся, не будь же ты теперь причиною моей смерти и твоей смерти". – "А как так?" спросил Марзуван. И везирь сказал: "Ты сейчас поднимешься и пройдеши между эмирами и везирями, и все они будут молчать, ничего не говоря, из-за Камар-аз-Замана, сына султана".

И, услышав о Камар-аз-Замане, Марзуван все вспомнил, так как он слышал рассказы о нем в других странах и пришел сюда в поисках его, но он притворился незнающим и спросил везиря: "А кто такой Камар-аз-Заман?" и везирь отвечал ему: ""Это сын султана Шахрамана, и он болен и лежит в постели; ему нет покоя, и он не ест, не пьет и не спит ни ночью, ни днем. Он близок к смерти, и мы отчаялись, что он будет жить, и уверились в его близкой кончине. Берегись же долго глядеть на него и смотреть не на то место, куда ты ставишь ногу: иначе пропадет твоя и моя душа".

"Ради Аллаха, о везирь, – сказал Марзуван, – я надеюсь, что ты расскажешь мне об этом юноше, которого ты мне описал. В чем причина того, что с ним?" – "Я не знаю причины, – отвечал везирь, – но только его отец три года назад просил его, чтобы он женился, а Камараз-Заман отказался, и отец разгневался на него и заточил его. А наутро юноша стал утверждать, что он спал и видел рядом с собою девушку выдающейся красоты, чью прелесть бессилён описать язык, и сказал нам, что снял с ее пальца перстень и сам надел его, а ей надел свой перстень. И мы не знаем того, что скрыто за этим делом. Заклинаю же тебя Аллахом, о дитя мое, когда поднимешься со мною во дворец, не смотри на царского сына и иди своей дорогой: сердце султана полно гнева на меня".

И Марзуван подумал: "Клянусь Аллахом, это и есть то, что я ищу! А потом Марзуван пошел сзади везиря и пришел во дворец, и везирь сел у ног Намара-Замана, а Марзуван – у того не было другого дела, как идти, пока он не остановился перед Камар-аз-Заманом и не посмотрел на него. И везирь умер живьем от страха и стал смотреть на Марзувана и подмигивать ему, чтобы он шел своей дорогой. Но Марзуван притворился, что не замечает его, и смотрел на Камараз-Замана. И он убедился и узнал, что это тот, кого он ищет..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто седьмая ночь

Когда же настала сто девяносто седьмая ночь, она сказала. "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда

Марзуван посмотрел на Камар-аз-Замана и узнал, что это тот, кого он ищет, он воскликнул: "Слава Аллаху, который сделал его стан подобным ее стану и его щеку такой, как ее щека, и цвет его лица таким же, как у нее!"

А Камар-аз-Заман открыл глаза и стал прислушиваться к словам Марзувана, и, когда Марзуван увидел, что Камар-аз-Заман прислушивается к его словам, он проговорил такие стихи:

"Я вижу, взволнован ты и стонешь в тоске своей,

И склонен устами ты красоты хвалить ее.

Любовью охвачен ты иль стрелами поражен?

Так держит себя лишь тот, кто был поражен стрелой.

Меня напои вином ты в чаше, и спой ты мне,

Сулейму и ар-Ребаб и Танум ты помяни.

О, солнце лозы молодой – дно кружки звезда его,

Восток-рука кравчего, а запад – уста мои.

Ревную бока ее к одежде ее всегда,

Когда надевает их на тело столь нежное.

И чашам завидую, уста ей целующим,

Коль к месту лобзания она приближает их.

Не думайте, что убит я острым был лезвием,

Нет, взгляды разящие метнули в меня стрелу.

Когда мы с ней встретились, я пальцы нашел ее

Окрашенными, на кровь дракона похожими,

И молвил: "Меня уж нет, а руки ты красила!

Так вот воздаяние безумным, влюбившимся!"

Сказала она и страсть влила в меня жгучую

Словами любви, уже теперь нескрываемое:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Клянусь твоей жизнью я, не краской я красила,

Не думай же обвинять в обмане и лжи меня.

Когда я увидела, что ты удаляешься,

А ты был рукой моей в кистью и пальцами,

Заплакала кровью я, расставшись, и вытерла

Рукою ее, и кровь мне пальцы окрасила",

И если б заплакать мог я раньше ее, любя,

Душа исцелилась бы моя до раскаянья,

Но раньше заплакала она, в заплакал я

От слез ее и сказал: "Заслуга у первого

Меня не браните вы за страсть и ней – поистине,

Любовью клянусь, по ней жестоко страдаю я.

Я плачу о той, чей лик красоты украсили,

Арабы в персы ей не знают подобия.

Умна как Лукман [231] она, ликом как у Юсуфа,

Ноет как Давид она, как Марьям, воздержана.

А мне – горесть Якова, страданья Юсуфа,

Несчастье Иова и беды Адамовы [232],

Не надо казнить ее! Коль я от любви умру,

Спросите ее: "Как кровь его ты пролить могла?"

И когда Марзуван произнес эту касыду, он низвел на сердце Камараз–Замана прохладу и мир, и тот вздохнул и повернул язык во рту и сказал своему отцу: "О батюшка, позволь этому юноше подойти и сесть со мной рядом..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто восьмая ночь

Когда же настала сто девяносто восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар–аз–Заман сказал своему отцу: "О батюшка,пусти этого юношу подойти и сесть со мной рядом". И когда султан услышал от Камар–аз–Заман эти слова, он обрадовался великой радостью, а ведь раньше его сердце встревожилось из–за Марзувана, и он задумал в душе обязательно отрубить ему голову. И теперь он услышал, что его сын заговорил, и то, что с ним было, прошло, и он поднялся и привлек к себе юношу Марзувана и посадил его рядом с Камар–аз–Заманом.

И царь обратился к Марзувану и сказал ему: "Слава Аллаху за твое спасение!" А Марзуван ответил: "До сохранит тебе Аллах твоего сына!" – и пожелал царю добра. "Из какой ты страны?" – спросил его царь, и он ответил: "С внутренних островов, из земель царя аль–Гайюра, владыки островов, морей и семи дворцов". И царь Шахраман сказал ему: "Может быть, твой приход будет благословенным для моего сына и Аллах спасет его от того, что с ним". – "Если пожелает Аллах великий, будет только одно добро", – отвечал Марзуван.

А потом он обратился к Камар–аз–Заману и сказал ему на ухо, незаметно для паря и для вельмож правления: "О господин мой, укрепи свою душу и сделай свое сердце сильным и прохладой свои глаза. Той, из–за кого ты стал таким, – не спрашивай, каково ей из–за тебя. Но ты скрыл свою любовь и заболел, а что до нее, то она объявила о своей любви и все сказали, что она бесноватая. И теперь она в заточении, и на нее у нее железная цепь, и она в наихудшем состоянии, но если захочет (Аллах великий, ваше излечение будет делом моих рук".

И когда Камар–аз–Заман услышал эти слова, дух вернулся к нему и его сердце окрепло, и он оживился и сделал знак своему отцу, чтобы тот посадил его, и царь едва не взлетел от радости. Он подошел к сыну и посадил его, и Камар–аз–Заман сел, а царь махнул платком, так как боялся за своего сына, и все эмиры и везири ушли. И царь положил Камар–аз–Заману две подушки, и тот сел, облокотившись на них, а царь велел надушить дворец шафраном, а потом он приказал украсить город и сказал Марзувану: "Клянусь Аллахом, о дитя мое, твое появление счастливо и благословенно", – и проявил к нему крайнее уважение.

Затем царь потребовал для Марзувана кушанья, и их подали, и Марзуван подошел и сказал Камар–аз–Заману: "Подойди поешь со мною", – и Камар–аз–Заман послушался его и подошел и стал есть с ним, и при всем этом царь благословлял Марзувана и говорил: "Как прекрасно, что ты пришел, о дитя мое!" А когда отец Камар–аз–Замана увидел, что его сын стал есть, его радость и веселье увеличились, и он сейчас же вышел и рассказал об этом матери юноши и жителям дворца. И во дворце забили в барабаны при радостной вести о спасении Камар–аз–Замана. И царь велел кликнуть клич, чтобы город украсили, и город был украшен, и люди обрадовались, и был то великий день. А затем Марзуван провел эту ночь подле Камар–аз–Замана, и царь переночевал с ними, радостный, и ему было весело..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девяносто девятая ночь

Когда же настала сто девяносто девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман провел эту ночь с ними – так он был рад исцелению своего сына. А когда наступило утро и царь Шахраман ушел и Марзуван остался один с Камар–аз–Заманом, он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и сказал: "Знай, что мне знакома та, с которой ты был вместе, и зовут ее Ситт Будур, дочь царя аль–Гайюра".

А затем он рассказал ему с начала до конца о том, что произошло с госпожой Будур, и поведал о крайней ее любви к нему и сказал: "Все, что произошло у тебя с твоим отцом, случилось и у нее с ее отцом. Ты, без сомнения, ее возлюбленный, а она – твоя возлюбленная. Укрепи же твою волю и сделай сильным твое сердце – я приведу тебя к ней и скоро сведу вас вместе. И я сделаю с вами так, как сказал поэт:

Когда друзья друг друга покинули

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И долго уж их ссора продлилась,

Я скреплю меж ними вновь дружбы связь,

Как гвоздь скрепляет лезвия ножниц".

И Марзуван до тех пор убеждал Камар–аз–Замана быть сильным, и ободрял его и утешал и побуждал есть и пить, пока тот не поел кушаний и не выпил напитков, дух его вернулся к нему, и возвратились его силы, и он спасся от того, что его постигло. И все это время Марзуван развлекал его стихами и рассказами, пока Камар–аз–Заман не поднялся на ноги и не пожелал пойти в баню. И Марзуван взял его за руку и свел в баню, и они вымыли себе тело и почистились..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар–аз–Заман, сын царя Шахрамана, пошел в баню, его отец приказал выпустить заключенных, радуясь этому, и наградил роскошными одеждами вельмож своего царства и роздал бедным милостыню, и велел украсить город, и город был украшен семь дней.

А потом Марзуван сказал Камар–аз–Заману: "Знай, о господин мой, что я прибыл от Ситт Будур и цель моего путешествия в том, чтобы освободить ее от ее недуга. Нам остается лишь придумать хитрость, чтобы отправиться к ней, так как твой отец не может с тобой расстаться, и, по моему мнению, тебе следует завтра попросить у отца разрешения поехать на охоту в пустыню. Захвати мешок, полный денег, сядь на коня и возьми с собою подставу, и я тоже, как и ты, сяду на коня. А своему отцу ты скажи: "Я хочу прогуляться в равнине я поохотиться, я посмотрю пустыню и проведу там одну ночь". И когда мы выедем, то отправимся своей дорогой, и не давай никому из слуг следовать за нами".

И Камар–аз–Заман воскликнул: "Прекрасен такой план!" – и обрадовался великой радостью, и его спина укрепилась. И он вошел к своему отцу и рассказал ему все это, и царь позволил ему поехать на охоту и сказал: "О дитя мое, тысячу раз благословен тот день, который дал тебе силу. Я согласен на твою поездку, но только переночуй там одну лишь ночь, а завтра приезжай и явись ко мне: ты знаешь, что жизнь приятна мне лишь с тобою, и мне не верится, что ты поправился от болезни. Ты для меня таков, как сказал об этом поэт:

И если б иметь я мог на каждую ночь и день

Ковер Сулеймана [233] и Хосроев могучих власть,

Все это не стоило б крыла комариного,

Когда бы не мог мой глаз всегда на тебя взирать".

Потом царь снарядил своего сына Камар–аз–Замана и снарядил вместе с ним Марзувана и приказал, чтобы им приготовили четырех коней и двугорбого верблюда для поклажи, и одногорбого, чтобы нести воду и пищу. И Камар–аз–Заман не позволил никому с ним выехать, чтобы служить ему. И отец простился с сыном и прижал его к груди и поцеловал и сказал: "Ради Аллаха, прошу тебя, не отлучайся больше чем на одну ночь: сон для меня в эту ночь будет запрещен, ибо я чувствую так, как сказал поэт:

Сближенье с тобою – блаженство блаженств,

Мученье мучений – страдать без тебя.

Я жертва твоя! Если грех мой – любовь

К тебе, то проступок велик мой, велик.

Как я, ты горишь ли огнями любви?

Они меня жарят, как пытки в аду".

"О батюшка, если захочет Аллах, я проведу там только одну ночь, сказал Камар–аз–Заман, а затем он простился с отцом и уехал. И Камар–аз–Заман с Марзуваном выехали, сев на коней (а с ними был двугорбый верблюд, нагруженный поклажей, и одногорбый верблюд с водой и пищей), и направились в пустыню..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести первая ночь

Когда же настала двести первая ночь, она сказала". "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар–азЗаман с Марзуваном выехали и направились в пустыню и ехали от начала дня и до вечера, а потом остановились, поели, попили и накормили животных и отдыхали некоторое время. А затем они сели на коней и поехали, и ехали, не останавливаясь, три дня, а на четвертый день появилась перед ними просторная местность, где были густые заросли, и они остановились там. И Марзуван зарезал верблюда и коня и разрубил их мясо на куски и очистил кости от мяса, а потом он взял у Камар–аз–Замана его рубашку и одежду, порвал их на куски и вымазал в крови коня, и взял кафтан Камар–аз–Замана, тоже порвал его и вымазал в крови и бросил у разветвления дороги.

А потом они попили, поели и двинулись дальше. И Камар–аз–Заман спросил Марзувана: "Что это ты сделал, о брат мой, и какая будет от этого польза?" – и Марзуван отвечал ему: "Знай, что когда нас не будет еще одну ночь после той ночи, на которую мы взяли позволение, и мы не явимся, твой отец, царь Шахраман, сядет на коня и поедет за нами следом. И когда он доедет до этой крови, которую я разлил, и увидит твою разорванную рубашку и одежду и на них кровь, он подумает, что тебя постигла беда от разбойников или зверей пустыни, и перестанет надеяться на твое возвращение и вернется в город. А мы достигнем этой хитростью того, чего хотим". И Камар–азЗаман сказал: "Клянусь Аллахом, это прекрасная хитрость! Ты хорошо сделал!"

И потом они ехали в течение дней и ночей, и все это время Камар–аз–Заман, оставаясь наедине с собою, жаловался и плакал, пока не возрадовался, узнав, что земля его возлюбленной близко. И он произнес такие стихи:

"Сурова ли будешь с тем, не мог кто забыть тебя

На час, и откажешь ли, когда я желал тебя?

Не знаю пусть радости, когда обману в любви,

И если я лгу, то пусть разлуку узнаю я!

Вины ведь за мною нет, чтоб ты холодна была,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А если вина и есть, пришел я с раскаяньем.

Одно из чудес судьбы – что ты от меня бежишь:

Ведь дни непрестанно нам приносят диковины".

Когда же Камар–аз–Заман кончил говорить стихи, Марзуван сказал ему: "Посмотри, вот показались острова Варя аль–Гайюра, и Камар–аз–Заман обрадовался и поблагодарил его, поцеловал его и прижал к груди. Когда же они достигли островов и вступили в город, Марзуван поместил Камар–аз–Замана в хане, и они отдыхали после путешествия три дня, а затем Марзуван взял Камар–азЗамана и свел его в баню и одел его в одежду купцов. Он достал для него золотую дощечку, чтобы гадать на песке [234], и набор принадлежностей, и астролябию из серебра, покрытого золотом, и сказал: "Поднимайся, о господин мой! Встань под царским дворцом и кричи: "Я счетчик, я писец, я тот, кто знает искомое и ищущего, я мудрец испытанный, я звездочет превосходный! Где же охотники?" И когда царь услышит тебя, он пошлет за тобою и приведет тебя к своей дочери, царевне Будур, твоей возлюбленной, а ты, войдя к ней, скажи ему: "Дай мне три дня сроку, и если она поправится – жени меня на ней, а если не поправится поступи со мной так же, как ты поступил с теми, кто был прежде меня". И царь согласится на это. Когда же ты окажешься у царевны, осведоми ее о себе, и она окрепнет, увидя тебя, и прекратится ее безумие, и она поправится в одну ночь. Накорми ее и напои, и отец ее возрадуется ее спасенью и женит тебя на ней и разделит с тобою свое царство, так как он взял на себя такое условие. Вот и все!"

Услышав от него эти слова, Камар–аз–Заман воскликнул: "Да не лишусь я твоих милостей!" – И взял у него принадлежности и вышел из хана, одетый в ту одежду (а с ним были те принадлежности, о которых мы упоминали), и шел, пока не остановился под дворцом царя аль–Гайюра.

И он закричал: "Я писец, и счетчик, я тот, кто знает искомое и ищущего, я тот, кто открывает книгу и подсчитывает счет, я толкую сны и вычерчиваю перьями клады. Где же охотники?"

И когда жители города услышала эти слова, они пришли к нему, так как уже долго не видели писцов и звездочетов, и встали вокруг него и принялись его рассматривать. И они увидели, что он до крайности красив, нежен, изящен и совершенен, и стояли, дивясь его красоте и прелести, и стройности и соразмерности. И один из них подошел к нему и сказал: "Ради Аллаха, о прекрасный юноша с красноречивым языком, не подвергай себя опасности и не бросайся в гибельное дело, желая жениться на царевне Будур, дочери царя аль–Гайюра. Взгляни глазами на эти повешенные головы их обладатели были все убиты из–за этого".

Но Камар–аз–Заман не обратил внимания на его слова и закричал во весь голос: "Я мудрец, писец, звездочет и счетчик!" – и все жители города стали удерживать его от такого дела, но Камар–аз–Заман вовсе не стал смотреть на них и подумал: "Лишь тот знает тоску, кто сам борется с нею!" И он принялся кричать во весь голос: "Я мудрец, я звездочет..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести третья ночь

Когда же настала двести третья ночь [235], она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар–аз–Заман не обратил внимания на слова жителей города и стал кричать: "Я писец, я счетчик, я звездочет!" И все жители города рассердились на него и сказали: "Ты просто глупый юноша, гордец и дурак. Пожалей свою юность и молодые годы, и прелесть и красоту!" Но Камар–аз–Заман продолжал кричать: "Я звездочет и счетчик – есть ли охотники?!"

И когда Камар–аз–Заман кричал, а люди его останавливали, царь аль–Гайюр услышал его голос и шум толпы, и сказал везиру: "Спустись, приведи к нам этого звездочета". И везирь поспешно спустился и, взяв Камар–аз–Замана из толпы людей, привел его к царю. И, оказавшись перед царем аль–Гайюром, Камар–аз–Заман поцеловал Землю и произнес:

"Собрал ты в себе одним прославленных восемь свойств,

Так пусть же тебе судьба всегда их дает как слуг:

То слава, и истина, и щедрость, и набожность,

И слово, и мысль твоя, и знатность, и ряд побед".

И царь аль–Гайюр посмотрел на него и усадил его с собой рядом и, обратившись к нему, сказал: "Ради Аллаха, о дитя мое, если ты не звездочет, то не подвергай себя опасности и не входи сюда, приняв мое условие, ибо я обязался всякому, кто войдет к моей дочери и не исцелит ее от недуга, отрубить голову, а того, кто ее исцелит, я женю на ней. Так пусть не обманывает тебя твоя красота и прелесть. Аллахом клянусь, если ты ее не вылечишь, я непременно отрублю тебе голову!" – "Пусть так и будет! отвечал Камар–аз–Заман. – Я согласен и Знал об этом раньше, чем пришел к тебе".

И царь аль–Гайюр призвал судей засвидетельствовать Это и отдал Камар–аз–Замана евнуху и сказал ему: "Отведи его к Ситт Будур!" И евнух взял Камар–аз–Замана За руку и пошел с ним по проходу, и Камар–аз–Заман опередил его, и евнух побежал, говоря ему: "Горе тебе, не ускоряй гибели своей души! Я не видел звездочета, который бы ускорял свою гибель, кроме тебя, но ты не знаешь, какие перед тобой напасти". Но Камараз–Заман отвернул лицо от евнуха..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести четвертая ночь

Когда же настала двести четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух говорил Камар–аз–Заману: "Потерпи и не торопись!" – но Камар–аз–Заман отвернул от него лицо и произнес такие стихи:

"Хоть я знающий, но не знаю, как описать тебя,

И растерян я, и не ведаю, что сказать теперь.

Коль скажу я: "Солнце" – заката нет красоте твоей

Для очей моих, но закатится солнце всякое.

Совершенство так красота твоя! Описать ее,

Кто речист, бессилен, – смутит она говорящего".

Потом евнух поставил Камар–аз–Замана за занавеской" висевшей на двери, и Камар–аз–Заман спросил его: "Какой способ тебе приятнее: чтобы я вылечил и исцелил твою госпожу отсюда или чтобы я пошел к ней и вылечил ее по ту сторону занавески?" И евнух изумился его словам и сказал: "Если ты вылечишь ее отсюда, это увеличит твои достоинства".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тогда Камар–аз–Заман сел за занавеской и, вынув чернильницу и калам, взял бумажку и написал на ней такие слова: "Это письмо от того, кого любовь истомила и страсть погубила, и печаль изнурила, кто на жизнь надежды лишился и в близкой кончине убедился. И нет для сердца его болезного помощника и друга любезного, и для ока, что ночью не спит, нет никого, кто заботу победит. И днями он в пламени сгорает, а ночами, как под пыткой, страдает, и тело его худоба изводит, но гонец от любимого не приходит".

А потом он написал такие стихи:

"Пишу, и душа моя тебя поминает лишь,

И веки сгоревшие не слезы, а кровь струят.

Печаль и страдания на тело надели мне

Рубаху томления, и в ней я влачу его.

Я сетовал на любовь, любовью терзаемый,

И нет для терпения местечка в душе моей.

К тебе обращаюсь я: "Будь щедрой и кроткою

И сжался" – душа моя в любви разрывается",

А под стихами он написал такие созвучия: "Сердец исцеленье – любимым единенье. Кого любимый терзает, того Аллах исцеляет. Кто из нас иль из вас обманщиком будет, тот желаемого не добудет. Нет лучше, чем любящий и верный любимому, что суров безмерно".

И он написал, подписываясь: "От безумно влюбленного, любящего, смущенного, любовью и страстью возбужденного, тоской и увлечением плененного Камар–аз–Замана, сына Шахрамана, – единственной во все времена, что среди прекрасных гурий избрана, госпоже Будур, чей отец – царь аль–Гайюр. Знай, что ночи провожу я в бденье, а дни свои влачу в смущенье, больной, истощенный, любящий, увлеченный, многие вздохи испускающий, обильные слезы проливающий, любовью плененный, тоской умерщвленный, с душою, разлукой прожженной, страсти заложник, недугов застольник. Я бодрствующий, чье око сном не смежается, влюбленный, чьи слезы не прекращаются, и огня сердца моего не погасить, а пламени страсти не сокрыть".

А потом Камар–аз–Заман написал на полях письма вот какой превосходный стих:

"Привет мой из сокровищ благ господних

" Тому, кто держит и мой дух и сердце".

И еще он написал:

"Хоть слово в подарок мне вы дайте и, может быть,

Меня пожалеете, и дух мой смирится.

И правда, от страсти к вам, влюбленный, считаю я

Пустым то, что пережил – мое унижение.

Аллах, сохрани же тех, к кому отдален мой путь!

Я скрыл свои чувства к ним в достойнейшем месте.

Но вот свои милости послала ко мне судьба,

И ныне закинут я к порогу любимой.

Я видел Буду со мной на ложе лежащую

Светила луна моя в лучах ее солнца".

А потом Камар–аз–Заман, запечатав это письмо, написал на месте адреса такие стихи:

"Письмо ты спроси о том, что пишет перо мое,

Поведают письма любовь и тоску мою.

Вот пишет рука моя, а слезы текут из глаз,

И жалуется любовь бумаге из–под пера.

Пусть вечно течет слеза из глаз на бумаги лист,

Коль слезы окончатся, польется за ними кровь".

А заканчивая письмо, он, наконец, написал еще:

"Я перстень послал тебе, что в день единения

Я взял своему взамен, – пришли же мне перстень мой".

Потом Камар–аз–Заман положил перстень Ситт Будур в свернутую бумажку и отдал ее евнуху, а тот взял ее и вошел с нею к своей госпоже..."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

Двести пятая ночь

Когда же настала двести пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар–аз–Заман положил перстень в бумажку и отдал ее евнуху, а ют взял ее и вошел к Ситт Будур. И царевна взяла бумажку из рук евнуха и, развернув ее, увидала, что в ней ее перстень, – он самый, – и прочитала бумажку, а когда она поняла ее смысл, то узнала, что письмо от ее возлюбленного и что это он стоит за

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

занавеской. И ее ум улетел от счастья, и грудь ее расправилась и расширилась, и от избытка радости она произнесла такие стихи;

"Горевала я, как пришлось с тобой разлучиться нам,

И пролили веки потоки слез в печали.

И поклялась я, что когда бы время свело нас вновь,

О разлуке бы поминать не стал язык мой.

Налетела радость, но бурно так, что казалось мне,

Что от силы счастья меня повергла в слезы.

О глаза мои, ныне слезы лить уж привычно вам,

И вы плачете и от радости и с горя".

А когда Ситт Будур окончила свои стихи, она тотчас поднялась и, упершись ногами в стену, с силой налегла на железный ошейник и сорвала его с своей шеи, а потом она порвала цепи и, выйдя из-за занавески, бросилась к Камар-аз-Заману и поцеловала его в рот, как клюются голуби, и, обняв его от сильной любви и страсти, воскликнула: "О господин мой, явь это или сон? Неужели Аллах послал нам близость после разлуки? Слава же Аллаху за то, что мы встретились после того, как потеряли надежду!"

И когда евнух увидел, что она в таком состоянии, он выбежал бегом и, придя к царю аль-Гайюру, поцеловал землю меж его рук и сказал: "Знай, о мой владыка, что этот звездочет – шейх звездочетов и ученее их всех. Он вылечил твою дочку, стоя за занавеской и не входя к ней". – "Посмотри хорошенько, верная ли это весть!" – сказал царь. И евнух ответил: "О господин, встань и взгляни на нее, она нашла в себе столько сил, что порвала железные цепи и вышла к звездочету и принялась его целовать и обнимать".

И тогда царь аль-Гайюр поднялся и вошел к своей дочери, а та, увидав его, встала на ноги, закрыла себе голову и произнесла такое двустишие:

"Не люблю зубочистку я, потому что,

Ее вспомнив, скажу всегда: "Без тебя я!"

А арак, тот любезен мне, потому что,

Его вспомнив, скажу всегда: "Тебя вижу!" [236]

И тогда отец ее до того обрадовался ее благополучию, что едва не улетел, и он поцеловал дочь меж глаз, так как любил ее великой любовью. И царь аль-Гайюр обратился к Камар-аз-Заману и спросил его, кто он, и сказал: "Из каких ты земель?" И Камар-аз-Заман рассказал царю о своем происхождении и сани и осведомил его о том, что его отец – царь Шахраман. А затем Камар-аз-Заман рассказал ему всю историю, с начала и до конца, и поведал ему обо всем, что приключилось у него с Ситт Будур и как он взял у нее с пальца ее перстень и надел ей свой перстень. И царь аль-Гайюр изумился и воскликнул: "Поистине, вашу историю надлежит записать в книгах, чтобы ее читали после вас поколения за поколениями!"

И потом царь аль-Гайюр призвал судей и свидетелей и написал брачную запись госпожи Будур с Камар-аз-Заманом и велел украсить город на семь дней. А после этого разложили скатерти с кушаньями и устроили празднества я украсили город, и все воины надели самые роскошные платья, и забили в литавры и застучали в барабаны, и Камар-аз-Заман вошел к Ситт Будур, и ее отец обрадовался ее исцелению и выходу ее замуж и прославил Аллаха, пославшего ей любовь к красивому юноше из царских сыновей.

И царевну раскрывали перед Камар-аз-Заманом, и оба они были похожи друг на друга красотой, прелестью, изяществом и изнеженностью. И Камар-аз-Заман проспал подле нее эту ночь и достиг того, чего желал от нее, а она удовлетворила свое стремление к нему и насладилась его красотой и прелестью, и они обнимались до утра. А на другой день царь устроил званый пир и собрал на него всех жителей внутренних островов и внешних, и разостлал для них скатерти с роскошными кушаньями, и столы были расставлены в течение целого месяца.

А после того, как сердце Камар-аз-Замана успокоилось, и он достиг желаемого и провел таким образом с Ситт Будур некоторое время, ему вспомнился его отец, царь Шахраман. И он увидел во сне, что отец говорит ему: "О дитя мое, так ли ты поступаешь со мною и делаешь такие дела?" И произносит ему, во сне, такое двустишие:

"Луна во мраке страшит меня отдалением,

Поручила векам стеречь она стадо звезд своих"

Дай срок, душа! Ведь, может быть, и придет она.

Потерпи же, сердце, когда прижгли, как клеймом, тебя",

И Камар-аз-Заман, увидав во сне своего отца, который упрекал его, был наутро озабочен и печален, и Ситт Будур спросила его, и он рассказал ей о том, что видел..."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести шестая ночь

Когда же настала двести шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камараз-Заман рассказал Ситт Будур о том, что видел во сне, она вошла с ним к своему отцу, и они рассказали ему об этом и попросили позволения уехать. И царь позволил Камар-аз-Заману уехать, но Ситт Будур сказала: "О батюшка, я не вытерплю разлуки с ним". И тогда ее отец отвечал: "Поезжай с ним!" – и позволил ей оставаться с Камар-аз-Заманом целый год, с тем чтобы после этого она приезжала навещать отца ежегодно.

И царевна поцеловала отцу руку, и Камар-аз-Заман также, а потом царь аль-Гайюр принялся снаряжать свою дочь и ее мужа, и приготовил им припасы и все нужное для путешествия, и вывел им меченных коней и одногорбых верблюдов, а для своей дочери он велел вынести носилки, и он нагрузил для них мулов и верблюдов и дал им для услуг черных рабов и людей, и извлек для них все то, что им было нужно в путешествии. А в день отъезда царь аль-Гайюр попрощался с Камар-аз-Заманом и одарил его десятью роскошными золотыми платьями, шитыми жемчугом, и предоставил ему десять коней и десять верблюдиц и мешок денег и поручил ему свою дочь Ситт Будур, и выехал проводить их до самого дальнего острова.

Потом он простился с Камар-аз-Заманом и вошел к своей дочери Ситт Будур, которая была на носилках, и прижал ее к груди и поцеловал, плача и говоря:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"К разлуке стремящийся, потише:

Услада влюбленного – объятья.

Потише: судьба всегда обманет,

И дружбы конец – всегда разлука".

И потом он вышел от своей дочери и пришел к ее мужу, Камар–аз–Заману, и стал с ним прощаться и целовать его, а затем он расстался с ним и возвратился с войском в свой город, после того как приказал им трогаться.

И Камар–аз–Заман со своей женой Ситт Будур и теми, кто с ними был из сопровождающих, ехали первый день, и второй, и третий, и четвертый, и двигались, не переставая, целый месяц. И остановились они как–то на лугу, обширно раскинувшемся, изобиловавшем травой, и разбили там палатки, и поели и попили и отдохнули. И Ситт Будур заснула и Камар–аз–Заман вошел к ней и увидел, что она спит, а на теле ее шелковая рубашка абрикосового цвета, из–под которой все видно, а на голове у нее платок из золотой парчи, шитый жемчугом и драгоценными камнями. И ветер поднял ее рубашку, которая задралась выше пупка, и стали видны ее груди и показался живот, белее снега, и каждая впадина в его складках вмещала унцию орехового масла, И любовь и страсть Камар–аз–Замана увеличилась, и он произнес:

"Когда бы сказали мне (а знойный бы ветер жег,

И в сердце и в теле всем огонь бы и жар пылал):

"Что хочешь и жаждешь ты: увидеть влюбленных

Иль выпить глоток воды?" – в ответ я сказал бы: "Их!"

И Камар–аз–Заман положил руку на перевязь одежды Будур и, потянув перевязь, развязал ее, так как сердце его пожелало царевну. И он увидел красный камень, как драконова кровь, привязанный к перевязи, и, отвязав камень, посмотрел на него и заметил на нем имена, вырезанные в две строчки письменами нечитаемыми. И Камараз–Заман удивился и сказал про себя: "Если бы камень не был для нее великою вещью, она бы не привязала его таким образом на перевязи своей одежды и не сохранила бы его в самом дорогом для себя месте, чтобы не расставаться с ним. Посмотреть бы, что она с этим камнем делает и какова тайна, скрывающаяся в нем!"

Потом Камар–аз–Заман взял камень и вышел из шатра, чтобы посмотреть на него при свете..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести седьмая ночь

Когда же настала двести седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар–азЗаман взял камень, чтобы посмотреть на него при свете, и стал его разглядывать, держа его в руке. И вдруг низринулась на Камар–аз–Замана откуда–то птица и выхватила камень у него из рук, и полетела, и опустилась с камнем на землю. И Камар–аз–Заман испугался за камень и побежал вслед за птицей, а птица побежала так же быстро, как бежал Камар–аз–Заман. И Камар–аз–Заман все время следовал за нею с одного места в другое, и с холма на холм, пока не пришла ночь и в воздухе не стемнело. И птица заснула на высоком дереве, а Камар–аз–Заман остановился под ним и был в замешательстве. А душа его растаяла от голода и утомления, и он почувствовал, что погибает, и хотел вернуться, но не знал, где то место, откуда он пришел, и мрак налетел на него.

И Камар–аз–Заман воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" – а затем он лег и проспал до утра под деревом, на котором была птица. И пробудился он ото сна и увидел, что птица проснулась и улетела с дерева. И Камар–аз–Заман пошел за Этой птицей, а она отлетала понемногу, вровень с шагами Камар–аз–Замана. И юноша улыбнулся и воскликнул: "О диво Аллаха! Эта птица вчера отлетела на столько, сколько я пробежал, а сегодня она поняла, что я утомился и не могу бежать, и стала лететь вровень с моими шагами! Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительно, но я непременно последую за этой птицей! Она приведет меня либо к жизни, либо к смерти, и я последую за ней, куда бы она ни направилась, так как она во всяком случае остановится только в населенных местах".

И Камар–аз–Заман пошел за птицей (а птица каждую ночь ночевала на дереве) и следовал за нею в течет" десяти дней, и питался он плодами земли, пил из ручьев. А на десятый день он приблизился к населенному городу. И птица вдруг мотнулась, быстро как взор, и влетела в этот город и скрылась из глаз Камар–аз–Замана, и тот не знал, что с нею, и не понимал, куда она пропала.

И Камар–аз–Заман удивился и воскликнул: "Хвала Аллаху, который охранил меня, и я достиг этого города!" Потом он сел возле канала и вымыл руки, ноги и лицо и немного отдохнул, и вспомнилось ему, в каком он был покое и блаженстве, вместе с любимой, и посмотрел он на то, как теперь утомлен и озабочен и голоден, в отдалении и разлуке, и слезы его полились, и он произнес:

"Хоть таил я то, что пришлось снести мне, но явно все,

И сон глаз моих заменила ныне бессонница.

И воскликнул я, когда дум чреда утомила дух:

"О судьба моя, не щадишь меня и не милуешь,

И душа моя меж мучением и опасностью!

Если б царь любви справедливым был, относясь ко мне,

От очей моих навсегда мой сон не прогнал бы он,

Господа мои, пожалейте же изнуренного

И помилуйте прежде славного, что унизился

На путях любви, и богатого, нынче бедного.

Я хулителей, за тебя коривших, не слушался,

И глухим я сделал мой слух совсем и закрыл его".

Они молвили: "Ты влюблен в красавца", – а я в ответ:

"Я избрал его среди других людей и оставил их".

Перестаньте же! Коль судьба постигнет, не видит взор".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Потом Камар–аз–Заман, окончив говорить стихи и отдохнув, поднялся и шел понемногу, пока не вступил в город..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восьмая ночь

Когда же настала двести восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар–азЗаман окончил говорить стихи и отдохнул, он вошел в городские ворота, не зная, куда направиться. Он прошел город насквозь, с начала до конца (а вошел он в ворота, ведущие из пустыни), и шел до тех пор, пока не вышел из морских ворот, и никто его не встретил из жителей города (а город был на берегу моря). И Камар–аз–Заман вышел из морских ворот и все шел, пока не дошел до городских садов и рощ. Он вошел под деревья и пошел дальше и, придя к одному саду, остановился у ворот.

И к нему вышел садовник и поздоровался с ним, и Камар–аз–Заман ответил на его приветствие, а садовник сказал ему "Добро пожаловать! – и воскликнул! – Слава Аллаху за то, что ты пришел нетронутый жителями этого города! Войди же скорее в сад, пока тебя не увидал никто из его обитателей!"

И тогда Камар–аз–Заман вошел в этот сад, потеряв разум, и спросил садовника: "Что за история с жителями этого города и в чем дело?" И садовник ответил: "Знай, что здешние жители все маги [237]. Ради Аллаха, Расскажи мне, как ты пришел в это место и какова причина твоего прихода в нашу страну".

И Камар–аз–Заман рассказал садовнику обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и садовник до крайности изумился и сказал: "Знай, о дитя мое, что страны ислама далеко отсюда, и от них до нас четыре месяца пути по морю, а по суше так целый год. У нас есть корабль, который снимается раз в год и уезжает с товарами к берегам земель ислама, и отсюда он едет в море Эбеновых островов, а оттуда к островам Халидан, где царствует царь Шахраман".

Тут Камар–аз–Заман немного подумал и понял, что самое подходящее для него жить в саду, у садовника, и работать у него в помощниках. "Возьмешь ли ты меня к себе помощником в этот сад?" – спросил он садовника, и тот сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И садовник научил его, как отводить воду к грядкам и к деревьям, и Камараз–Заман принялся отводить воду и обрезать траву косою. И садовник одел его в короткий голубой кафтан до колен, и Камар–аз–Заман остался у него, поливая кусты и плача обильными слезами. И не имел он покоя ни ночью, ни днем, так как был на чужбине, и о возлюбленной своей говорил он стихотворения. И среди того, что он сказал, были такие стихи:

Обет вы давали нам – исполните ли его?

И слово сказали вы – поступите ли вы так?

Не спали мы – так велит нам страсть, – когда спали вы,

А спящие не равны с неспящими никогда.

Мы знали и раньше, – страсть свою вы таить могли,

Но сплетник вас подстрекнул, сказав, и сказали вы.

Возлюбленные души – ив гневe и в милости,

Что с вами бы ни было, вы цель моя, только вы!

Есть люди, кому вручил я дух мой измученный,

О, если бы сжалились и милость явили мне.

Не всякое око ведь, как око мое, горит,

И любит не всякая душа, как моя душа.

Жестоки вы были и сказали: "Любовь ведь зла!"

Вы правы, так сказано и было, да правы вы.

Спросите влюбленного – вовек не нарушит он

Обета, хотя б огонь в душе и пылал его,

И если противник мой в любви меня судит сам

Кому я посетую, кому я пожалуюсь?

И если бы не был я любовью разорен,

То сердце мое в любви безумным бы не было.

Вот что было и случилось с Камар–аз–Заманом, сыном паря Шахрамана. Что же касается его жены Ситт Будур, дочери царя аль–Гайюра, то она, пробудившись от сна, стала искать своего мужа, Камар–аз–Замана, и не нашла его. И она увидала, что ее шальвары развязаны, и, посмотрев на узелок, к которому был прикреплен камень, увидела, что он развязан, а камень исчез. "О диво Аллаха, – подумала она, – где мой муж? Он, кажется, взял камень и ушел, не зная, какая в камне тайна. Узнать бы, куда это он ушел! Но, наверное, случилось диковинное дело, которое заставило его уйти, – иначе он не мог бы расстаться со мною ни на минуту. Прокляни Аллах этот камень и прокляни час его создания!"

Потом Ситт Будур подумала и сказала про себя: "Если я выйду к людям и осведомлю их об исчезновении моего мужа, они позарятся на меня. Здесь непременно нужна хитрость". И она поднялась и надела одежду своего мужа, Камар–аз–Замана, и надела такой же тюрбан, как его тюрбан, и обулась в сапоги, и накрыла лицо покрывалом, а потом она посадила в свои носилки невольницу и, выйдя из шатра, кликнула слуг. И ей подвели коня, и она села верхом и велела погрузить тяжести и, когда они были погружены, приказала трогаться, и они выступили. Так Будур скрыла это дело, и никто не усомнился, что это Камар–аз–Заман, так как она походила на него и станом и лицом.

И Будур со своими людьми ехала, не переставая, в течение дней и ночей, пока они не приблизились к городу, выходившему к соленому морю. И тогда она остановилась в окрестностях города и велела разбить палатки в этом месте, для отдыха, а затем расспросила об этом городе, и ей сказали:

"Это Эбеновый город, владеет им царь Арманус, а у него есть дочь по имени Хаят–ан–Нуфус..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.